

5

В Благодатске жизнь шла обычным чередом.

В мае 1827 года государственных преступников перевели работать из-под земли на воздух. Это было хуже. Слежка тут была внимательней, они были все время на виду. И работа тяжелее. Им вручили носилки и приказали таскать приготовленную рудоразборщиками руду с места рудоразбора на склад. Каждые носилки вмещали по пяти пудов руды. Каждой паре нужно было перенести за день тридцать таких носилок. Расстояние было двести шагов.

Стало быть, на каждого в день приходилось больше тонны.

«Не все могли исполнить урок, — писал Оболенский, — те, которые были посильнее, заменяли товарищей, и таким образом урок исполнялся... По новому распоряжению и время труда и тяжесть его увеличены почти вдвое».

В двенадцати верстах от рудника была китайская граница. Вокруг лежали места дикие и безлюдные.

Каждую весну каторжники десятками бежали с рудника. Их ловили. Многие с наступлением холодов сами приходили обратно. Государственным преступникам бежать с Благодатского рудника возможности не было. Жизнь была тяжела, иногда невыносима. Но они терпели, ибо надеялись.

6

О побеге декабристы думали постоянно. Некоторым эта мысль пришла еще в Петропавловской крепости. Князь Трубецкой писал в воспоминаниях: «Когда меня водили в комитет к коменданту или в баню, я всегда рассматривал и изыскивал средства уйти, если определено будет мне вечное здесь заключение».

Подпоручик Андреевич, один из самых решительных южан, собирался бежать с дороги.

Но до поры до времени мысль эта охлаждалась надеждой на помилование. К концу 1827 года стало ясно, что надежд на скорую амнистию нет.

Между тем заполнялся Читинский острог, поскольку в Петербурге решили собрать всех государственных преступников в одном месте для удобства охраны. К апрелю 1827 года в Чите было уже около семидесяти узников. Помещения Читинского острога стали тесны. Днем и ночью в остроге стоял грохот кандалных цепей, сопровождавший почти каждое движение заключенного.

Сознание, что так придется прожить многие годы, было мучительно. И тут-то побег представился не только единственно возможным, но и вполне реальным спасением. Побег стал обдумываться тщательно и здраво. Только ли желание избавиться от тягостей заключения двигало этими людьми? Нет.

Если мы присмотримся к тем восьмидесяти заключенным, которые в конце концов собрались в Чите, то увидим удивительную вещь. Все лучшее, что было в то время в русском обществе, имело здесь своих представителей. Мыслители и музыканты, математики и историки, литераторы и мореходы, талантливые офицеры и инженеры-изобретатели — все виды деятельности, столь необходимые тогда России. Глубокие умы и энергичные характеры были закупорены правительством в консервную банку Читинского острога.

Это были люди, доказавшие, что они готовы к действию. Это были люди, доказавшие, что они не могут смириться с существующим положением вещей. Люди, лучше других понимавшие трагедию России, необходимость перемен, — эти люди были отсечены от жизни страны, изолированы, обречены на бездействие.

Но сознание неделанного дела, невыполненного долга, оборванного действия было так сильно, что толкало их на самые дерзкие замыслы.

Оказалось, что сидение в крепостях, изматывающие допросы и издевательства не разбили их души, не поглотили их энергии и стремления к действию.

Донесения Куракина — тому первое, хотя и не окончательное, доказательство.

Планы побега — доказательство фундаментальное.

«Я сделал все, чтобы меня расстреляли, я не рассчитывал на выигрыш жизни — и не знаю, что с ним делать. Если жить, то действовать». Это сказал Николай Бестужев. Но так думал не только он.

«Если жить, то действовать». И была еще одна причина, требовавшая побега. Но о ней — после.

Итак, весна и лето 1827 года.

Декабрист Басаргин писал: «Помню, что в первое время нашего пребывания в Чите мы очень много толковали о возможности освободиться из нашего заключения, и вспоминаю об этом более потому, что в настоящее время предположение наше плыть по Амуру до Сахалина вполне оправда-

лось. Дело состояло в том, чтобы обезоружить караул и всю команду, находившуюся в Чите, задержать на время коменданта и офицеров и потом, присоединив к себе тех, которые согласятся пристать к нам, и, запасясь провиантом, оружием, снарядами, построить наскоро барку или судно, спуститься реками Аргунью или Шилкою в Амур и плыть до самого устья его, а там уже действовать и поступать по обстоятельствам. Этот план, я уверен, очень мог быть исполнен. Нас было 70 человек, молодых, здоровых, решительных людей. Обезоружить караул и выйти из каземата не представляло никакого затруднения, тем более что большая часть солдат приняла бы сейчас нашу сторону. Вся команда состояла из ста с небольшим человек, и можно, наверное, предположить, что половина присоединилась бы к нам. Офицеры и комендант не могли бы нам противиться.

Пока дошло бы сведение о действиях наших в Иркутск и пока приняли бы меры против нас, мы легко могли бы построить судно, нагрузиться и уплыть в Амур, следовательно быть вне преследования.

В Чите мы нашли бы необходимое: провиант и оружие в достаточном количестве для нашего путешествия. Плавание по Амуру, как оказалось это впоследствии экспедицией генерал-губернатора Муравьева, совершилось бы без особенных препятствий».

Они подходили к плану побега по-разному. Одни мотивировали его для себя более романтически, другие — менее романтически, но все они говорят о решимости действовать, решимости рискнуть всем и преодолеть любые препоны.

Знаменитая формула Шекспира: «Готовность — это все» — была приложима к ним в тот момент без всяких оговорок.

Те, кто без колебаний пошел 14 декабря на Сенатскую площадь, и здесь — в Чите — сохранили свою отчаянность.

Одним из героев восстания Гвардейского экипажа был мичман Александр Беляев.

Вот что он писал о побеге:

«Тут перед нами раскидывалась необозримая, чудная, хотя и дикая, пустынная природа; новые неведомые страны, гигантская река, все это нам представлялось в очаровательных образах и манило с необычайною силою. Мы, конечно, сознавали, что тут нужны будут большие физические усилия, лишения, но затем нам представлялся очаровательный отдых под кровом небесного свода, среди дружеской беседы, надежда, мечтания о будущем и т. д. Может быть, мы и обольщали себя, как уже это было испытано мною при следствии в каземате, но в этом случае мы чувствовали в себе столько решимости и мужества, что готовы были решиться очертя голову в самое отважное предприятие тем легче, что тут мы рисковали только лично собою. Ивашев где-то вычитал и уже приискал какой-то корень, который при употреблении его в пищу мог долго поддерживать наши силы. Путь наш мы располагали совершить все водой, сделав себе плот, начиная с реки Читы, впадавшей в Ингоду, из Ингоды в Шилку, составляющую с Аргунью исток Амура, и наконец Амуром до Сахалина и океана.